

счет их многократного повтора в высказывании или текстовом фрагменте. Это объясняется как обилием массовых сцен, так и экспрессивными задачами. Режиссерская установка объясняет широкое введение в текст глагольно-междометных слов звуко-подражательного характера.

Наблюдение над текстовыми способами интерпретации звуковой картины мира позволит уточнить состав языковых средств, входящих в соответствующее функционально-семантическое поле в системе языка, хотя соотношение центра и периферии здесь может быть иным, так как в тексте оно служит разворачиванию авторского замысла, изображению индивидуальной картины мира.

Способ анализа языковой картины мира с опорой на текстовые ситуации и текстовые функционально-семантические поля — один из возможных в конкретизации языковых характеристик личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 7.
- ² Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988. С. 27.
- ³ Морковкин В. В. Лексическая основа русского языка: Слов.-справ. М., 1984.

Функциональная семантика слова. Свердловск, 1992

А. П. ЧУДИНОВ

Свердловский пединститут

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЕМНОГО И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

Предлагаются объективные критерии разграничения многозначности и речевого варьирования семантики, не связанного с изменением лексического значения.

В современной коммуникативной семасиологии прочно утвердилась отчетливая дифференциация двух типов варьирования семантики слова: семного варьирования (в других терминах — «речевое варьирование», «варьирование актуальных смыслов») и лексико-семантического варьирования, приводящего к изменению значения слова¹. При лексико-семантическом варьировании слова в речи возникает окказиональное значение, которое не соответствует ни одному из зафиксированных словарями значений. Речевое варьирование отличают «малозаметные изменения семантического отношения, пристекающие вследствие того, что обозначаемое данным словом явление предстает в

своих различных аспектах»², при этом происходит изменение яркости отдельных сем в коммуникативном акте, реализуются потенциальные свойства словесной семантики, акцентируются ассоциативные и факультативные признаки.

При конкретном анализе речевой семантики слова за основу для демаркации семного и лексико-семантического варьирования одни ученые берут изменение семной структуры, другие — фиксацию соответствующих значений в толковых словарях, третьи — преобразование парадигматических и синтагматических связей слова. Специальный анализ речевого материала (14 тысяч словоупотреблений) показал, что указанные признаки нередко вступают в противоречие друг с другом, требуют уточнения и конкретизации. Необходимо определить, всякая ли фиксация словоупотребления в лексикографии может служить свидетельством существования вторичного значения, какие изменения семного состава являются обязательным признаком многозначности, возможно ли преобразование парадигматических и синтагматических связей слова при речевом варьировании.

В настоящем исследовании в качестве основного критерия при разграничении семного и лексико-семантического варьирования принята фиксация значения в лексикографических источниках. Это делает описание более объективным, не зависящим исключительно от языкового чутья автора и его методов исследования. Те элементы семантической структуры слова, которые отражены в толковых словарях (хотя бы в виде оттенка значения), можно считать социально осознанными, воспроизводимыми, существенно отличающимися от первичного значения и на этом основании отнести к проявлениям лексико-семантического варьирования. Если же лексикографы не сочли необходимым отразить соответствующее словоупотребление в словаре, то можно предположить, что оно было воспринято как вариант какого-то из уже выделенных значений или же как окказиональное употребление, характеризующее только речь отдельного индивида в конкретной коммуникативной ситуации.

Использование в семасиологических исследованиях материалов толковых словарей в качестве своего рода «объективного свидетельства» широко распространено, однако семантический анализ на основе отказа «от каких-либо выводов (логических или иных) о наличии или отсутствии того или иного компонента, если на это нет указаний в словаре»³ представляется скорее методическим приемом, чем признанием «непогрешимости» словаря. Специальные исследования свидетельствуют, что существующие словари русского языка не свободны от недостатков: в них встречаются и противоречия, и непоследовательность в отражении однотипных фактов, и другие недочеты⁴, однако следует согласиться с тем, что «успехи внелексикографических описаний лексической семантики, ее систематизации и теоретического осмысления, будучи обусловлены прогрессом языко-

знания, логики, семиотики, философии, всегда будут зависеть и от степени освоения данных лексикографии»⁵. Вполне естественные недочеты, существующие даже в лучших лексикографических изданиях, имеют частный характер, относятся к отображению семантики отдельных слов, тогда как в целом работа составителей современных толковых словарей заслуживает самой высокой оценки и вполне может быть использована как один из надежных источников сведений о семантической структуре русских глаголов, что, разумеется, не исключает последующей корректировки полученных данных с учетом других критериев.

Для повышения объективности при использовании данных лексикографии был выдвинут принцип опоры не на отдельную словарную статью, а на общие закономерности подачи однотипных словоупотреблений в толковом словаре, что позволяет корректировать эпизодически встречающуюся в словарях непоследовательность. В качестве дополнительных целесообразно использовать семный, парадигматический и синтагматический критерии. При анализе конкретных словоупотреблений в качестве признаков лексико-семантического варьирования следует фиксировать нейтрализацию категориальных и дифференциальных сем, изменение типовой лексической и грамматической сочетаемости, изменение системных связей глагола в ЛСГ или лексико-грамматическом разряде. Показатели семного варьирования глагольной семантики — нейтрализация факультативных и ассоциативных компонентов, ослабление или усиление яркости обязательных сем, изменение связей с коммуникативно-семантической группой глаголов, имеющих однотипные ассоциативные признаки.

В указанной выше выборке были выделены следующие типовые варианты глагольной семантики, для которых характерно совмещение признаков лексико-семантического и семного варьирования.

1. Профессиональное употребление (9 примеров). Ср.: «Мой отец — штукатур. Мастер своего дела. Бригадир. Имеет награды. Воевал... **Красит и штукатурит** всю жизнь» (Иванченко); «Я ведь по Сибири двадцать лет с гаком лазил. Профессиональным охотником был, после у геологов рюкзаки с пробами **таскал**, сайру на Шикотане **ловил**» (Ганина). В данных контекстах обозначаемое глаголом действие представлено как профессиональное занятие субъекта, способ добывать средства для существования. Подобное употребление глаголов в отдельных случаях отражается в толковых словарях как особое значение (ср. словарные статьи в МАС-2 на глаголы **танцевать**, **петь**, **служить**), однако представляется, что отдельные исключения не могут считаться основанием для выделения особого типа значения глагола и, в соответствии с принципом опоры на общие закономерности подачи однотипных

словоупотреблений, использование глаголов, обозначающих выполнение тех или иных действий для характеристики профессионального занятия, должно быть отнесено к проявлениям речевого варьирования даже тогда; когда такое их использование зафиксировано в толковых словарях. Эпизодическая фиксация здесь свидетельствует не о различиях в семантической структуре глаголов, а о непоследовательности составителей словарей. Вместе с тем подобная фиксация показывает, что профессиональное употребление все-таки способно восприниматься как особое значение, что оно находится как бы на рубеже между многозначностью и речевым варьированием, в «зоне переходности» между тем и другим.

Квалификация профессионального употребления в качестве речевого варьирования подтверждается и анализом парадигматических и синтагматических связей глаголов, их семной структуры. При подобном употреблении сохраняются все обязательные компоненты лексического значения, остаются прежними и рамки лексической сочетаемости. Характерное для профессионального употребления ослабление конструктивных связей глагола (безобъектное использование переходных глаголов) тоже может рассматриваться только как показатель речевого варьирования. Что касается парадигматических связей, то, несомненно, сближение рассматриваемых глаголов с ЛСГ профессионально-трудовой деятельности не изменяет их прежних связей с соответствующей ЛСГ.

2. Имитационное употребление (8 примеров). Ср.: «Мать при всем ее неприятии Лены все же с нею смирилась, научилась чего-то **не замечать**» (Трифонов); «Не первый раз он предлагал **забыть**, что они встречались несколько лет назад и он причинил ей жестокое, на грани смерти, зло» (Леонов). При подобном употреблении полностью сохраняются нормы лексической и синтаксической сочетаемости глаголов, но они обозначают здесь не реальное выполнение действия, а лишь его имитацию: субъект только делает вид, что выполняет обозначаемое глаголом действие. Это можно квалифицировать как актуализацию дополнительных компонентов семантики при сохранении обязательных признаков, однако эти компоненты очень заметны — изменяется сама сущность действия. Вместе с тем указанные преобразования практически не отражаются на парадигматических связях глаголов, сохраняется принадлежность указанных лексических единиц к ЛСГ и лексико-грамматическому ряду.

В лексикографических источниках имитационное словоупотребление практически не фиксируется, что может служить аргументом в пользу признания его лишь особым актуальным смыслом, проявлением речевого варьирования, однако отсутствие словарной фиксации характерно и для некоторых окказиональных вторичных значений. Итак, вновь отмечаются при-

знаки принадлежности словоупотребления к «зоне переходности» между многозначностью и речевым варьированием, однако большинство критериев все-таки предполагает отнесение имитационного употребления глаголов к проявлениям речевого варьирования.

3. Неконтактное употребление (18 примеров). Ср.: «Я, между прочим, часто удивляюсь: почему вы **не постройте** себе кооперативную квартиру» (Трифонов); «Отец смотрел-смотрел да и **расчел** меня: вот так буквально пошел в мой кинотеатр, написал моей трясущейся рукой заявление на расчет, и я был уволен по собственному желанию» (Иванченко). Специфика рассматриваемых словоупотреблений заключается в том, что субъект лично не выполняет обозначаемое глаголом действие: в его интересах и под его воздействием этим занимается кто-то другой.

Неконтактное словоупотребление эпизодически отражается в толковых словарях: так, в МАС-2 включен оттенок значения глагола **шить** — ‘заказывать, изготавливать одежду где-либо, у кого-либо’, однако приведенные выше словоупотребления глаголов **построить** и **расчесть**, как и все другие случаи неконтактного словоупотребления из анализируемой выборки, в толковом словаре не зафиксированы. Исходя из принципа опоры на общие закономерности подачи в словаре однотипных словоупотреблений, можно сделать вывод о том, что отсутствие словарной фиксации неконтактного употребления абсолютного большинства глаголов не случайность, а общая закономерность, важный аргумент в пользу отнесения всех случаев неконтактного употребления (в том числе отраженных в толковом словаре) к речевому варьированию. Показательно, что при неконтактном употреблении полностью неизменным остается характер действия (изменяется только способ обозначения его реального субъекта), целиком сохраняются парадигматические связи глагола и лишь незначительно преобразуются в ряде случаев синтагматические связи: локативный распространитель при этом часто указывает на реальный субъект действия (я **сшил костюм в ателье**). Таким образом, основная часть критериев не позволяет отнести случаи неконтактного словоупотребления к проявлениям многозначности, хотя несомненна определенная близость его к «зоне переходности» между многозначностью и речевым варьированием.

4. Ассистивное употребление (6 примеров). Ср.: «Вам нужно в парке культуры на каруселях кружить, а вы **воюете**, голодаете» (Алексин); «Отец у меня был красный командир, **разрушивший** старый мир» (Ганина). При ассистивном употреблении глагола формальный субъект действия не является его основным производителем: он только помогает кому-то, принимает какое-то участие в выполнении действия. Так, в первом предложении речь идет о мальчиках, которые живут в тылу, учатся в школе, в меру сил помогают взрослым и, конечно, не участвуют в военных действиях; во втором предложении реальная

роль отца героини сводится лишь к тому, что он был одним из многих участников революции и гражданской войны.

Ассистивное употребление практически не имеет каких-либо формальных показателей в тексте; при нем не изменяются парадигматические и синтагматические связи глагола, а появление дополнительной семы 'ассистивность' не влияет на состав обязательных признаков значения глагола. Таким образом, вполне закономерной будет квалификация ассистивного употребления в качестве одной из разновидностей речевого варьирования глагольной семантики, хотя определенная «необычность» такого употребления и способна натолкнуть на мысль о близости указанного типа речевого варьирования к проявлениям многозначности; по-видимому, ассистивное употребление все-таки очень близко к диффузной границе между речевым варьированием и многозначностью.

В связи с низкой частотностью других типовых словоупотреблений дальнейший анализ проводился с учетом расширенной выборки (26 тысяч словоупотреблений).

5. Позитивное употребление (5 примеров). Ср.: «Моих сверстниц матери, подсобрав все лучшее в доме, начали **одевать**» (Ганина); «Мы могли бы сделать моноспектакль: женщина во все времена. Бернс, Беранже, Некрасов, Блок... Интересно получится. Вы **поете**. Написать современную музыку...» (Белов). При позитивном употреблении семантика глагола в основном соответствует словарному толкованию, но в таком употреблении имеется в виду исключительно хорошее, часто даже образцовое выполнение действия: так, в первом предложении речь идет о стремлении родителей особенно красиво и доброту наряжать взрослеющих дочерей (очевидно, что девочки и раньше не ходили раздетыми), во втором предложении подразумевается такой уровень исполнения, который принесет успех спектаклю. По словам И. А. Стернина, аналогичное употребление существительных отражает «признаки, которые приписываются идеальному, классическому денотату, лучшему в своем роде»⁶.

Позитивное употребление по принятым в настоящей работе критериям следует отнести к проявлениям речевого варьирования: оно не фиксируется словарями, не характеризуется нейтрализацией каких-либо обязательных компонентов семантики, не связано с изменением парадигматических связей глагола, а некоторое ослабление конструктивных связей (переходные глаголы в таких конструкциях часто используются без прямого дополнения), по-видимому, вполне возможно и при речевом варьировании, во всяком случае, это единственный признак, относящий данное словоупотребление к «зоне переходности» между двумя рассматриваемыми видами варьирования глагольной семантики.

6. Пермиссивное употребление (7 примеров). Ср.: «**Положил** ведь я вас, всех пятерых **положил**, а за что? За десяток фрицев»

(Васильев); «Проверять препараты моя обязанность. Я этого не сделал, **погубил** человека. Нет мне прощения» (Кошелева). При пермиссивном употреблении грамматический субъект действия не является его реальным исполнителем, роль такого субъекта сводится лишь к допущению указанного действия, к тому, что он разрешил или хотя бы не воспрепятствовал выполнению действия. Так, в первом контексте старшина Васков винит себя в том, что он позволил фашистам уничтожить пять девушек, в том, что не смог предотвратить их гибель. Во втором предложении речь идет о фармацевте, не проконтролировавшем изготовление лекарства.

Пермиссивное употребление эпизодически отражается в толковых словарях русского языка, ср.: **отпустить** — '1. Позволить уйти, удалиться откуда-либо' (МАС-2); **отрастить** — '1. Дать возможность вырасти, достичь каких-либо размеров, какой-либо величины' (БАС), однако в абсолютном большинстве случаев рассматриваемое употребление в лексикографии не фиксируется, а поэтому его следует отнести к проявлениям речевого варьирования. Об этом же говорит анализ дополнительных признаков дифференциации: при пермиссивном употреблении сохраняется набор обязательных сем, не происходит изменения парадигматических и синтагматических связей глагола.

7. Потенциальное употребление (22 примера). Ср.: «Академик живописи **рисует** гораздо лучше, чем **говорит**» (Алексин); «Приходите к нам на чашку чая, Кирилл Иванович. Надя такие пироги **печет**, что пальчики оближешь» (Санин). В подобных случаях глагол обозначает не выполнение действия, а только способность субъекта к выполнению действия; в рассмотренных предложениях глаголы **рисовать**, **говорить**, **печь** находятся в отношениях функциональной эквивалентности с сочетаниями **умеет рисовать**, **умеет говорить**, **умеет печь**.

Вопрос о квалификации потенциального употребления до сих пор остается открытым: одни авторы по традиции относят его к числу видовых значений⁷, другие считают его особым видом многозначности⁸, третьи рассматривают потенциальное употребление как «особый оттенок», возникающий при безобъектном употреблении переходных глаголов⁹. Крайне непоследовательны в этом отношении и толковые словари, где «в некоторых (немногих) случаях потенциальное значение приписывается глаголу как одно из его лексических значений, а в других (их подавляющее большинство) оно... специально в словаре не отмечается»¹⁰. По-видимому, эти противоречия объясняются тем, что потенциальность как особая модификация семантики не обладает в полной мере ни признаками частного значения вида (к такому использованию в принципе способны глаголы совершенного и несовершенного вида), ни признаками полисемии (это не языковое, а исключительно речевое явление, известное только финитным формам). Если же потенциальное

употребление действительно относится к сфере не грамматики, а лексической семантики и известно только в речи, то оно не может быть не чем иным, как проявлением речевого варьирования. О целесообразности подобной квалификации потенциального употребления говорит и тот факт, что в указанных случаях не изменяются парадигматические связи глагола, сохраняются все обязательные семантические признаки. Практически сохраняются при потенциальном употреблении и синтагматические связи глагола (следует отметить только некоторое ослабление конструктивных связей — распространенность безобъектного употребления переходных глаголов), однако, как уже было сказано, ослабление конструктивных связей глагола вполне может наблюдаться и при речевом варьировании.

Итак, использование принципа опоры на общие закономерности подачи в толковом словаре однотипных словоупотреблений с учетом результатов анализа семного состава глаголов, их парадигматических и синтагматических связей позволяет достаточно объективно разграничить проявления семного и лексико-семантического варьирования. В данном случае выделяется особая «зона переходности» — типовые словоупотребления, при анализе которых вступают в противоречие различные критерии, что особенно характерно для профессионального, имитационного и неконтактного употреблений. Подобные факты могут наблюдаться и при анализе типовых словоупотреблений, оставшихся за рамками настоящей публикации, в которой рассматриваются только модификации, не связанные с конкретными ЛСГ, но методика дифференциации семного и лексико-семантического варьирования в каждом случае остается стабильной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973; Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976; Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985; Чудинов А. П. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.

² Гак В. Г. Указ. соч. С. 89.

³ Михедова Л. Г. Опыт компонентного анализа лексики // Филол. науки. 1969. № 1. С. 82.

⁴ Арбатский Д. И. Толкование значений слов. Семантические определения. Ижевск, 1977; Войлошников А. Т. Толкование лексико-семантических классов слов: Автореф. дис... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1977 и др.

⁵ Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость. Л., 1975. С. 48.

⁶ Стернин И. А. Указ. соч. С. 66.

⁷ Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. Л., 1971; Русская грамматика: В 2 т. М., 1980. Т. 1.

⁸ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974; Кузнецова Т. В. Семантическая структура глаголов физического восприятия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.

⁹ Грамматика русского языка: В 2 т. М., 1960. Т. 1. С. 414.

¹⁰ Гловинская М. Я. О некоторых трудностях в изучении семантики видов // Болгарская русистика. 1977. № 3. С. 38.